

От каравая к Сталину

Известия, - 2005. - 30 авг. - стр. 10.

В Третьяковской галерее, в Инженерном корпусе, до 25 сентября проходит выставка живописи и графики Ильи Машкова. Выставка проходит в рамках проекта «Золотая карта России», произведения предоставлены Волгоградским музеем изобразительных искусств.

НИКИТА АЛЕКСЕЕВ

В 2004 году сперва в Монако, в выставочном зале Quai des Artistes, а затем в Русском музее и в Третьяковке была показана выставка «Бубновый валет» в русском авангарде», и пользовалась она очень большим успехом. Понятно почему: искусство объединения «Бубновый валет» (одним из главных деятелей которого был Машков) жизнерадостно, общедоступно, не слишком радикально и не отмечено ни тяжелой метафизичностью, как у Малевича, ни откровенным хулиганством, как у раннего Ларионова. Это сочная, плотская живопись, и недаром на своей знаменитой картине «Автопортрет и портрет Петра Кончаловского» (1910) Машков изобразил себя и своего друга в качестве мускулистых ширковых борцов.

Свойственная «валетам» чуть-чуть истеричная и слегка дураковатая жовиальность была вполне органична для последних лет предреволюционной России. После Первой мировой войны, революции и Гражданской войны она оказалась неуместной. «Валетам» надо было меняться. У Конча-

ловского это получилось без особенных проблем — видимо, сказался врожденный прагматизм, граничащий с цинизмом. Можно, конечно, рассуждать об этических аспектах, о том, как это Кончаловский в голодные военные годы писал роскошные натюрморты с окороками, горами сыров, балыков и свежих фруктов, но живопись его, несколько порыхлев, как была, так и осталась пышной и телесной. Машкову перелом дался куда труднее. В середине 20-х он пишет серию картин, посвященных санаториям и пионерлагерям, этим райским островкам социалистического счастья. Машков вымученно, с болезненной геометричностью вычерчивает корпуса и аллеи здравниц, они заселены не живыми людьми, а андроидами, а живописная фактура теряет былую упругость и становится дряблой и целлюлитной.

Самые поразительные произведения на выставке — «Советские хлеба» (1936) и «Привет XVII съезду ВКП(б)» (1934). На первом — аккуратно сложенная из всевозможных караваев, батонов, буханок, булок, саек, баранок и бубликов пирамида, увенчанная гербом СССР. Если ранние натюр-

морты Машкова настолько вещественны и «вкусны», что от них в буквальном смысле могут потечь слюнки, то «Советские хлеба» гастрономического соблазна никак не вызывают: здесь изображены не съедобные хлебобулочные изделия, но их абсолютно зачерствевшие идеограммы. «Привет XVII съезду ВКП(б)» — вещь и вовсе странная. На иссиня-черном фоне распластана красная звезда-пентакль. В нее вписано изображение бюста Ленина (бронзового), ниже, в центре, — мраморный бюст Сталина, по бокам — Маркс (золотой) и Энгельс (серебряный). Все это фланкировано шестью кладбищенского вида пурпурными маками и тщательно разложенными вишенками, сливами и яблоками. Больше всего эта картина похожа на алхимический гримуар, и всякий, кто хотя бы поверхностно знаком с оккультными науками, может с легкостью заняться расшифровкой цифровых соответствий, цветовой символики и того, почему Сталин — мраморный, а Ленин — бронзовый. Впрочем, вряд ли это приведет к каким-либо интересным результатам, да и весьма сомнительно, что Машков имел склонность к оккультизму. Однако эволюция невероятно одаренного и искреннего художника, поверившего в ложную идеологию, от веселой и полнокровной живописи к созданию иссушенных символических конструкций показательна сама по себе.

Машков Илья

30.08.05.